

УДК 111.6

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-42-47

Андрей Анатольевич Сычев,

доктор философских наук, профессор,

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

(430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68),

e-mail: sychevaa@mail.ru

orcid: 0000-0003-3757-4457

Долженствование и нормативность в философии поступка М. М. Бахтина¹

Философия поступка М. Бахтина рассматривается как оригинальная метафизическая концепция, предлагающая непосредственный путь от факта к нравственному поступку, минуя звено теоретической нормативности. Из определяющего основания для поступка нормативность превращается в вспомогательный материал для принятия индивидуального решения. На передний план при этом выдвигается проблема долженствования, понимаемого в качестве особой установки сознания, направленной на перевод возможностей в поступки. Показано, что характер морального долженствования обусловлен единственностью, диалогичностью и полифоничностью человеческого существования. Эти характеристики не только описывают специфику бытия человека, но и выступают в качестве императивов, ориентирующих поступки человека в мире и в совокупности задающих основания для долженствования. Собственно человеческое бытие у Бахтина рассмотрено как бытие-к-единственности, противостоящее всякому единообразию. Оно проявляется не как пассивность и подчинение нормам, а как активное и творческое долженствование, ориентированное на то, чтобы занять уникальное место в бытии. Движение в обратном направлении равнозначно отказу от существования в качестве личности. Диалогичность в философии Бахтина является одновременно онтологической и деонтологической категорией. Поскольку только другой обеспечивает моё существование, является его фактическим творцом, гарантом и судьёй, уже самим своим существованием он обязывает меня к действиям, направленным на учёт его блага. Наконец, полифоничность предполагает отказ от привилегированного положения в бытии и признание допустимости и равноправности различных (в том числе противостоящих друг другу) позиций. Полифоничный подход возвращает нормативность в нравственную философию, превращая её в одну из граней долженствования.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, философия поступка, долженствование, нормативность, единственность, диалог, полифония

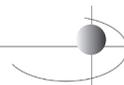
Введение. Этические теории, претендующие на обоснование моральных действий, как правило, сталкиваются с двумя типами проблем. Первая проблема (проблема нормативности) возникает при попытке совершить переход от сущего к должному, то есть от суждений о фактах к нормативным суждениям. Как утверждал Д. Юм, ещё никто из философов не смог привести убедительных аргументов в пользу того, что пропасть между тем, что есть, и тем, что должно быть, может быть преодолена [14, с. 510–511]. В результате моральные нормы оказываются беспочвенными, лишёнными прочного онтологического фундамента. Если же этической теории удаётся каким-то образом укоренить моральные нормы в сущем (такую трактовку морали, в частности, предлагает этический дескриптивизм), перед ней возникает вторая проблема (проблема долженствования): перехода от должного к поступку. Действительно, норму можно обосновать, признать её истинной и

морально обязывающей, но если конкретный человек не желает её исполнять, она останется просто теоретическим положением, пустой возможностью.

Переход от нормы к поступку не представляет сложностей, если фундаментом нормы является только желание субъекта (такую трактовку морали предлагает эмотивизм). Но в этом случае пропасть между сущим и должным оказывается по определению непреодолимой: если норма зависит только от моих желаний, то она не может быть одновременно укорена в фактах реального мира.

Преодоление пропасти между фактом и нормой (то есть обоснование нормативности) ведёт к возникновению пропасти между нормой и поступком (то есть к невозможности обоснования долженствования) и наоборот – обоснование долженствования перекрывает возможность для обоснования нормативности. В итоге, как отмечает П. Сингер, «ни одно определение морали не способно преодо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00082.

леть пропасть между фактами и действиями» [15, с. 25].

Методология и методы исследования. В работе «К философии поступка» М. М. Бахтин предлагает радикальный путь решения этой проблемы, выдвигая лозунг «действительно быть в жизни – значит поступать» [3, с. 40]. Бахтин обосновывает непосредственный переход от факта к поступку, минуя опосредующее звено нормативной теории. В такой трактовке проблема обоснования моральных норм отодвигается на периферию нравственной философии. Норма в подходе Бахтина из определяющего основания для поступка превращается в вспомогательный материал для принятия индивидуального решения, который нужно учитывать, наряду с данными науки, требованиями закона и т. д. Такой подход, по мнению Бахтина, позволяет избавиться от «теоретизма» – состояния, в котором теоретический мир выдаёт себя за единственно реальный, а формальная абстракция (например безличный моральный закон) навязывается конкретным людям как единственно правильное основание для действия.

В реальности, полагает Бахтин, проблемы морали не сводятся к этическим теориям, «никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нём нельзя жить, ответственно поступать, в нём я не нужен, в нём меня принципиально нет» [Там же, с. 13].

В теоретическом мире, по мнению учёного, нет и не может быть никакого долженствования – здесь можно найти только представления о нормативности как о свойстве неких положений регулировать отношения людей. Однако эти представления, даже если будет доказана их истинность, сами по себе не способны конвертировать норму в поступок. Бахтин пишет: «Долженствование может обосновать действительную наличность именно данного суждения именно в моём сознании при данных условиях, т. е. историческую конкретность индивидуального факта, но не теоретическую в себе истинность суждения. Момент теоретической истинности необходим, чтобы суждение было долженствующим для меня, но не достаточен, истинное суждение не есть тем самым уже и должный поступок мышления... Теоретическая истинность технична по отношению к долженствованию» [Там же, с. 9].

Таким образом, проблема нормативности оказывается второстепенной для нравственной философии Бахтина, уходя в область ис-

следований специальных дисциплин (таких как социология морали). На первое же место выдвигается проблема долженствования, понимаемая как особая установка сознания и направленная на перевод возможностей в поступки. По словам Бахтина, долженствование есть «категория индивидуального поступка, даже более, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаместимости, единственной нудительности, его историчности» [Там же, с. 26–27]. Истоки долженствования предлагается осмысливать в категориях не этического знания, а метафизики.

Нравственная философия Бахтина в своих основаниях является «первой философией», то есть онтологией. Специфика подхода Бахтина состоит в особом понимании собственно человеческого бытия, противопоставляемого бытию вещи. Вещь – это пассивный и безответный объект, данный наблюдателю в готовом виде. Личность, в отличие от вещи, осознаёт своё бытие и способна изменять его. У каждой конкретной личности есть собственный голос, она активна и деятельна. Мир не только дан ей как нечто готовое, но и задан как проект – как нечто желательное, должное. Поступая, личность может изменять мир вокруг себя и творить себя в мире.

С этой точки зрения бытие человека проявляется не статично, а процессуально – в поступках, актах, событиях, изменениях, свершении, становлении. Онтология человеческого бытия в этом смысле с необходимостью является онтологией поступка.

Поскольку человек не может существовать, не поступая (а поступок Бахтин понимает предельно широко: им является не только действие, но и слово, и даже мысль), человеческое бытие с необходимостью предполагает долженствование как механизм перевода намерений в поступки.

Положение о неразрывной связи человеческого бытия и долженствования можно рассматривать как один из вариантов ответа на замечание Юма. Сама пропасть между бытием вещей и долженствованием в подходе Бахтина, конечно, никуда не исчезает, всё так же оставаясь непреодолимой. Однако необходимость её преодоления теряет всякий смысл. Действительно, говоря о нравственности, мы выводим долженствование не из положений физики или биологии, а из фактов индивидуальной жизни или социальных фактов, то есть апеллируем не к лишённому ценностей миру вещей, а к ценностно нагруженному миру человека. О последнем Бахтин

пишет: «Этот мир-событие не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь, как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ним заданность: должно, желательное» [3, с. 32].

Поскольку все факты жизни человека – как индивидуальной, так и социальной – нормативно нагружены, для философии поступка вполне закономерным будет движение от «есть» (пронизанного ценностями бытия человека) к «должно» (ценностно значимому поступку). Более того, от собственно человеческого бытия переход к долженствованию не только логически возможен, но и необходим.

Результаты исследования и их обсуждение. Бахтин в своей философии поступка намечает некоторые направления осмысления перехода от факта к поступку. В самом первом приближении основные моменты, рождающие долженствование, можно, утверждает он, расположить вокруг трёх эмоционально-волевых центров личности: «Я, другой и я для другого». В первом случае долженствование обусловлено единичностью личности и её поступка. Во втором – продуктивностью диалога с другим. Что касается последнего случая, то одним из вариантов интерпретации долга личности перед каждым конкретным другим является готовность принять и выслушать все другие точки зрения. Иными словами, можно сказать, что долженствование обусловлено единичностью, диалогичностью и полифоничностью человеческой жизни. Если в тексте о философии поступка проблематика единственности рассмотрена относительно подробно, то связь диалогичности и полифонии с долженствованием только намечена, и реконструировать её можно лишь предположительно, учитывая дальнейшее развитие этих идей в творчестве Бахтина.

Единственность – центральная категория экзистенциальной онтологии Бахтина. Вещное бытие статично и повторяемо, поэтому оно легко обобщается и подводится под определённые теоретические закономерности. Бытие же личности по определению уникально; для его изучения (о чём подробно писал Г. Риккерт) следует фокусироваться на единичных, уникальных событиях и процессах [12, с. 7]. Таким образом, собственно человеческое бытие – это бытие-к-единственности, сопротивляющееся всякому единообразию. Бытие собственно человеческое проявляется не как пассивность и подчинение нормам, а как активное и творческое «долженствование

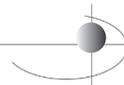
реализовать своё единственное место» [3, с. 55]. Движение в обратном направлении – к полюсу унифицированности, повторяемости, заменимости – есть движение к вещному бытию и в этом смысле равнозначно отказу от существования в качестве личности.

Человеческое бытие здесь фактически становится долженствованием, осознание единственности своего «есть» требует признания своей ответственности за эту единственность: «Я *есть* действительный, незаменимый и потому *должен* осуществить свою единственность» [Там же, с. 40].

В итоге глагол «быть» фактически ставится в императивное наклонение, приобретая форму «будь!», совмещающую нормативную форму с фактическим содержанием. Пафос человеческого бытия отображается в требованиях «Будь единственным!» или «Будь личностью». Человек становится человеком, только признавая, что у него нет никакого алиби в бытии, что он в полной мере отвечает за всё, что он делает, и даже более того – за всё, что происходит вокруг него. «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри её, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за своё бытие» [Там же].

История знает ряд личностей, которые стали основателями новых моральных систем, философских доктрин, религиозных течений, изменивших мир. Современная культура создана учёными, поэтами, музыкантами, художниками. Но несоизмеримо больше новых идей, способностей и талантов оказались нереализованными, в том числе и по той причине, что их носители добровольно отказались от их реализации. Бахтин пишет: «Можно игнорировать активность и жить одной пассивностью, можно пытаться доказать своё алиби в бытии, можно быть самозванцем. Можно отказаться от своей долженствующей единственности» [Там же]. Однако такой отказ сопряжён с неспособностью занять собственное место в бытии, а значит, равнозначен отказу от бытия.

Диалогичность в философии Бахтина также фактически является одновременно онтологической и деонтологической категорией. Единичность не может существовать в изоляции. Без другого единичная личность не просто ущербна – она превращается в фикцию, исчезает из бытия. Человек способен осознать своё бытие, понять себя, оценить себя только через другого, взглянув на себя

чужими глазами. Только другой обеспечивает моё существование, является тем самым его фактическим творцом, гарантом и судьёй. Я нуждаюсь в другом, более того – я нуждаюсь в таком другом, который был бы способен понять меня во всей моей сложности и единственности. «Я есмь» лишь в силу того, что «ты еси». Таким образом, уже самим своим существованием другой обязывает меня к действиям, направленным на его благо, к диалогу с ним. Если я признаю ответственность за себя, значит, я с необходимостью признаю и ответственность за всякого другого (вспомним, как Г. Гегель, обращая свой призыв к бытию в качестве лица, продолжает его требованием уважать другого в том же качестве: «Будь лицом и уважай других в качестве лица» [5, с. 65]).

Полифоничность является формой развития диалога, предполагающей «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [4, с. 12]. Она является центральной категорией в книге Бахтина о творчестве Достоевского, опубликованной в 1929 году. Во время написания работы о философии поступка эта категория ещё не была оформлена (здесь правильнее говорить о протополифонии), но всё же имеются очевидные предпосылки для трактовки идеи Бахтина об «абсолютном себя-исключении» в полифоническом контексте.

Бахтин справедливо утверждает, что «жить из себя, со своего единственного места, отнюдь ещё не значит жить только собою, только со своего единственного места возможно именно жертвовать» [3, с. 45]. Что может быть большей жертвой, чем само моё центральное место в бытии?

Моя единственность обозначает, что я нахожусь в привилегированном положении в бытии. Однако я могу добровольно отказаться от этого положения и согласиться признать все другие позиции ценностно равноправными. В этом случае я отказываюсь от претензий на единственно возможную истину, предполагая, что таким же правом обладают все другие точки зрения, а истина – это учёт различных (в том числе противостоящих друг другу) позиций.

В качестве яркого примера такого подхода Бахтин приводит разбор пушкинской «Разлуки», где даны два ценностных центра – автора и героини. Его чужбина оказывается для неё отчизной, её возвращение – разлукой для него и т. д. Одно и то же событие или явление в оценке разных людей оказывается по-разному воспринимаемым, однако эта разница (даже

противоположность) восприятий определён-но не противоречит друг другу. Просто каждая позиция по-своему высвечивает один и то же объект. Более того – все эти позиции придают объёмность общей картине, и чем больше таких позиций учитывается, тем лучше мы понимаем объект нашего рассмотрения.

Таким образом, я могу считать, что моя позиция является единственно истинной, а все остальные – различные варианты её искажения. Однако, добровольно отказываясь от положения единственного судьи и вынесения окончательного вердикта, признавая голоса других в качестве равных себе, я расширяю и уточняю своё понимание мира, включая в его картину различные точки зрения на него.

Применительно к литературному творчеству эта идея в дальнейшем была использована в «Проблемах творчества Достоевского» – автор полифонического романа жертвует своим центральным положением творца художественного мира, приглушает ведущую тему (исключает себя как суверена), чтобы показать жизнь не такой, какая она ему представляется, а такой, какая она есть – многообразной, противоречивой и разносторонней.

Результатом использования полифонического подхода в пространстве нравственной философии является, помимо прочего, реабилитация проблемы нормативности. Задвинутая вначале на периферию, теперь она вновь оказывается в поле рассмотрения поступающей личности. Общезначимые нормы морали являются отображением точек зрения обобщённых других. Если я решил учитывать голоса других, я с необходимостью должен принять во внимание и эти нормы. При этом моё решение и мой итоговый поступок (то есть моё долженствование) хотя и не предопределяются этими нормами, но с необходимостью учитывают каждую из них (наряду с данными науки, формулами закона, эстетическими ценностями и т. д.). В этом контексте нормативность становится одной из граней моего долженствования.

Заключение. Единичность, диалогичность и полифоничность не только описывают специфику бытия человека, но и выступают в качестве нравственных императивов, ориентирующих поступки человека в мире. Императив единичности требует от личности ответственности за свою уникальность, признания ею своего не-алиби в бытии. Императив диалогичности задаёт пространство «события бытия» как встречи с другим. Наконец, императив полифоничности определяет место субъекта как голоса среди множества равно-

правных голосов. Все эти императивы в совокупности задают онтологические основания

долженствования, обеспечивая движение от бытия человека к моральному поступку.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Постраничные примечания // Собрание сочинений / М. М. Бахтин: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. словари, 2003. С. 438–456.
2. Александрова Р. И. Нравственная философия и творческое наследие М. М. Бахтина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 176 с.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. словари, 2003. С. 7–68.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Рус. словари, 2000. С. 7–174.
5. Гегель Г. Философия права // Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7. 384 с.
6. Гогтишвили Л. А. О возможном истоке полифонической идеи Бахтина // Философский журнал. 2014. № 17. С. 118–154.
7. Гогтишвили Л. А. Постраничные примечания // Собрание сочинений / М. М. Бахтин: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. словари, 2003. С. 457–492.
8. Гусейнов А. А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М. М. Бахтин) // Этическая мысль. М.: ИФ РАН, 2001. Вып. 2. С. 3–26.
9. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Ст. 1. Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5–15.
10. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия. (Опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Ст. 2. Первая философия как нравственная философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 65–74.
11. Кривошеев А. В. Место долженствования в онтологическом проекте философии поступка М. М. Бахтина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 102–106.
12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
13. Рогожа М. М. Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки // Этическая мысль. 2010. № 10. С. 39–60.
14. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод суждения к моральным предметам // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–656.
15. Singer P. On Triviality of the Debate over “Is-ought” and the Definition of “Moral” // *Unsanctifying Human Life*. Oxford, 2002. Pp. 17–26.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019; принята к публикации 27.02.2019

Библиографическое описание статьи

Сычев А. А. Долженствование и нормативность в философии поступка М. М. Бахтина // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 42–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-42-47.

Andrey A. Sychev,

Doctor of Philosophy, Professor,

Ogarev National Research Mordovia State University

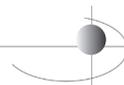
(68 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia),

e-mail: sychevaa@mail.ru

orcid: 0000-0003-3757-4457

Oughtness and Normativity in a Philosophy of the Act by M. Bakhtin

A Philosophy of the Act by M. Bakhtin is regarded as an original metaphysical concept offering a direct path from facts to moral action, bypassing the link of theoretical normativity. Normativity in this case is understood not as the determining basis for action but just as auxiliary material for decision-making. At the same time, the problem of oughtness understood as a special orientation of consciousness responsible for converting opportunities into actions is brought to the foreground. It is shown that the moral oughtness is determined by the unique, dialogic and polyphonic nature of human existence. These characteristics not only describe the specifics of a person's being but also act as imperatives orienting person's actions in the world and in the aggregate defining the basis of his obligation. Human existence was viewed by Bakhtin as being-to-uniqueness, opposed to all uniformity. It manifests itself not as passivity and obedience to norms but as an active and creative oughtness oriented towards finding a unique place in being. Movement in the opposite direction is equivalent to refusal from personal existence. Dialogue in the philosophy by Bakhtin is both an ontological and deontological category. Since only the other ensures my

existence, he is my actual creator, guarantor and judge, it is his very existence which obliges me to acts aimed at his good. Finally, polyphony implies the rejection of a privileged position in being and recognition of the admissibility and equality of various positions (including opposing ones). The polyphonic approach returns the problem of normativity to moral philosophy, turning it into one of the facets of oughtness.

Keywords: Mikhail Bakhtin, a Philosophy of the Act, oughtness, normativity, uniqueness, dialogue, polyphony

References

1. Averintsev, S. S. Page notes. Bakhtin M. M. Collected works in 7 vol. Vol. 1. M: Russkie slovari, 2003: 438–456. (In Rus.)
2. Aleksandrova, R. I. Moral philosophy and creative heritage of M. M. Bakhtin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1995. (In Rus.)
3. Bakhtin, M. M. Toward a Philosophy of The Act. Collected works in 7 vol. Vol. 1. M: Russkie slovari, 2003: 7–68. (In Rus.)
4. Bakhtin, M. M. Problems of Dostoevsky's art. Collected works in 7. Vol. 2. M: Russkie slovari, 2000: 7–174. (In Rus.)
5. Gegel, G. Philosophy of law. Works. Vol. VII. M: Sotsekgiz, 1934.
6. Gogotishvili, L. A. On the possible source of Bakhtin's polyphonic idea Vox. Philosophical magazin, no. 17, pp. 118–154, 2014. (In Rus.)
7. Gogotishvili, L. A. Page notes. Bakhtin M. M. Collected works in 7 vol. Vol. 1. M: Russkie slovari, 2003: 457–492. (In Rus.)
8. Guseinov, A. A. Law and deed (Aristotle, Kant, M. M. Bakhtin). Ethical thought, no. 2, pp. 3–26, 2001. (In Rus.)
9. Guseinov, A. A Philosophy of the Act as the first philosophy (experience of interpretation of moral philosophy by M. M. Bakhtin). Article one: to Be means to Act. Questions of philosophy, no. 6, pp. 5–15, 2017. (In Rus.)
10. Guseinov, A. A. A philosophy of the act as the first philosophy. (Experience of interpretation of M. M. Bakhtin's moral philosophy.) Article two: the first philosophy as a moral philosophy. Questions of philosophy, no. 7, pp. 65–74, 2017. (In Rus.)
11. Krivosheev, A. V. Place of duty in the ontological project of a philosophy of the act by M. M. Bakhtin. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, no. 1–4, pp. 102–106, 2009. (In Rus.)
12. Rikkert, G. Science of nature and science of culture. M: Respublika, 1998. (In Rus.)
13. Rogozha, M. M. Moral act and moral action: evaluation criteria. Ethical thought, no.10, pp.39–60, 2010. (In Rus.)
14. Yum, D. Treatise on human nature, or an Attempt to apply an experience-based method of reasoning to moral subjects. Collected works. In 2 vol. M: Mysl', 1996. V. 1: 53–656. (In Rus.)
15. Singer. P. On Triviality of the Debate over "Is-ought" and the Definition of "Moral". Unsanctifying Human Life. Oxford, 2002. pp. 17–26. (In Engl.)

Received: February 1, 2019; accepted for publication February 27, 2019

Reference to the article

Sychev A. A. Oughtness and Normativity in a Philosophy of the Act by M. Bakhtin // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 42–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-42-47.